

Политические процессы и практики

УДК 316

БАРАШ Раиса Эдуардовна – к.полит.н., научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского 24/35, корп. 5; raisabarash@gmail.com)

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ: В ПОИСКАХ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА

Аннотация. Материал посвящен одной из форм современного гражданского активизма – политическому протесту. Автор рассуждает о невозможности понять, «расколдовать» недовольных через их социально-демографические характеристики, предлагая обратиться к коммуникативной логике. Обращаясь к зарубежным протестным акциям и анализируя коммуникативную логику российского протестного движения 2011–2013 гг., автор предлагает характерные черты активиста – участника протестного движения, «человека протестующего» как нового субъекта гражданского активизма. Рождаясь из коммуникативной закрытости власти, протестное движение обнаруживает свою субъектность в новой логике обмена информацией. И коммуникативный подход для понимания новых форм гражданского активизма представляется ключевым, ведь ядро инициативного кластера, как представляется, спаяно новыми формами коммуникации, альтернативными тем, что тиражирует система. Автор уделяет внимание влиянию интернет-коммуникации на распространение протестной активности. В работе приводятся актуальные эмпирические данные протестной активности россиян.

Ключевые слова: гражданский активизм, политический протест, демократия, коммуникация, политическая субъектность

Что представляет собою политический протест? Можно ли свести к общему знаменателю относительно мирный захват парка Цуккоти и кровавые манифестации в Египте, столкновения с полицией участников московского митинга 6 мая и антикапиталистическое движение *Occupy Wall Street* («*We are the 99%*»), революционную Арабскую весну, студенческие митинги на мадридской площади Пуэрта-дель-Соль и переросший в гражданский конфликт Майдан-2014? Есть ли единый ключ к пониманию логики мятежников, общая рамка, вписав в которую региональную эмпирику, можно понять феноменологию протеста? И может ли быть назван «человек протестующий» новым субъектом политического действия? Это туреновское «возражение субъекта действующего», который стремится освободиться от оков государства, или мятеж – производное от социальных структур, и в этом смысле протест ценностно уравновешивает социальную систему?

Ключевой вопрос здесь: как можно «расколдовать» протест, применить веберовское *Entzauberung* к выступлениям недовольных? Пока попытки объяснить протест напоминали именно расколдовывание – через вычленение из внутренне не дифференцированного движения сопротивления отдельных атрибутов. Для власти уличные выступления и бунты скрывали за собою *coup d'etat* «бандерлогов». Для недовольных (и участников митингов, и сочувствующих) протесты воплощали освобождение от гнета формальных структур, или перформативное воплощение призыва Фуко «отрубить королю голову». Но чем был протест, что представляет собою и, главное, продолжается ли он? С чего он начался и куда пришел?

Протест как коммуникация

Отвечая на ключевой вопрос, через что проявляет себя «человек протестующий», имеет смысл опереться на методологическую рамку А. Турена, который искал нового субъекта как раз в субъекте, протестующем против казенного языка и псевдорациональной силовой политики, способного «осознать себя и утвердиться скорее в качестве производителя общественной ситуации» [Турен 1998: 22].

Но социологическая интерпретация обычно описывает протестующего либо как экономического или социального дезадаптанта, либо человека, стремящегося получить от системы то, что она может, но не желает по каким-то причинам предоставить. Логика эмпирической социологии упускает из виду, что протест может объясняться отнюдь не только рациональными мотивами. Для понимания протест-

ствующего его необходимо «вырвать» из среды, представить систему взаимодействия гражданских активистов как выделенную систему коммуникации.

И хотя разнообразные протестные *осциру*-движения в США, Турции, Украине, странах Ближнего Востока и в России непросто подчинить единой логике, протест — это особенный коммуникативный акт. С одной стороны, он сформирован специфическим протестным медиумом коммуникации. С другой стороны, протест демонстрирует коммуникативную закрытость власти, против которой он направлен и которой порожден.

И российский протест также сложился как коммуникация, альтернативная взаимодействию политической сферы и гражданского общества. Оценивая внутреннюю коммуникацию российского социума, коммуникацию между социальными подсистемами, политической сферой и пространством гражданской самоорганизации и свободы, можно согласиться с А.Ю. Антоновским в том, что современное российское общество организуется посредством введения коммуникативных запретов, т.е. запретов на обсуждение актуальных тем и предметов [Антоновский 2012]. Можно говорить о коммуникативном замыкании сферы политического на саму себя, когда участие в политике принимает ограниченный контингент системных политиков. Впечатление отторжения от принятия политически значимых решений и участия в заключении общественного договора у многих граждан породила передача власти в сентябре 2011 г. и отказ накануне парламентских выборов в регистрации ряду партий («Правое дело», «Парнас», «Другая Россия»). Последовавшее протестное голосование за любую кроме «Единой России» партию многим показалось ярким свидетельством кризиса репрезентативной демократии в России.

Ситуацию ограничения коммуникации и информационной мобильности в предпротестной России можно сравнить с обстановкой в предреволюционной Франции XVII в., когда слишком большое несоответствие между ожиданием мобильности и ее реальным осуществлением [Barber 1955: 56; Мертон 2006] привело к аномии. А ответный бунт, как пишет Р. Мертон, сформировал внутренне единые закрытые группы. Бунт (или мятеж) вывел «людей за пределы окружающей социальной структуры», побудив «их представить и попытаться воплотить в реальность новую, в значительной степени модифицированную [социальную] структуру» [Мертон 2006: 275]. И в этом описании революционной Франции угадывается желание разнообразных российских несогласных создать новую социальную структуру, основанную на специфической коммуникации.

«Человек протестующий» *sui generis*

Продолжительное время российский «человек протестующий» 2011–2013 гг. рисовался как молодой житель московского региона, с высшим образованием или студент, носитель преимущественно либеральных (отчасти националистических, коммунистических) настроений. На улицу, таким образом, вышел московский яппи, желающий побороться за абстрактные коллективные блага. Очень скоро протестующих стали называть «креативным классом» (подразумевая под этим класс интеллектуалов — по аналогии с его характеристикой в одноименной книге Р. Флориды), реализующим социально значимые проекты, не в последнюю очередь — через активную коммуникацию в социальных сетях.

Многие приписывали протестующим конъюнктурную «моду на протест», своеобразный «квазиреволюционный волапук» образованного класса. Говорили даже о том, что в Москве протестует «бобо» («богемная буржуазия»), проводя параллели с персонажем известной книги Дэвида Брукса, которого автор описывал как собирательный тип образованной, обеспеченной, социально адаптированной молодежи, в идентичности которого гармонично уживается антиправительственный пафос с типично республиканским принципом неограниченной свободы предпринимательства, когда максимальная свобода, юношеский максимализм в заявлениях сочетаются с полной конформностью и системностью поведения [Брукс 2013: 121]. Однако готовность протестующих не только к «протестным прогулкам», но и к серьезным действиям (к участию в движении наблюдателей и даже к силовому противостоянию, как это было 6 мая 2013 г.) продемонстрировала серьезность их мотивации и действий.

В. Федоров указывал на несколько равновероятных, с его точки зрения, причин протеста: 1) бунт среднего класса, «отъезжегося» за путинские нулевые; 2) выступление «креативного класса», составляющего московское меньшинство, но способного формировать актуальную повестку дня и новые смыслы гражданской активности; 3) борьба элит; 4) неповоротливость государственной машины; 5) сетевая революция «партии Фэйсбука», бунт «сетевых хомячков»; 6) распад негласного «социального контракта» времен раннепутинской эпохи [Истинные причины... 2012: 3-5]. То обстоятельство, что все означенные причины недовольства политической системой представлялись равновероятными, требовало интерпретировать протест как следствие, а не причину политического кризиса. Неопределенность каузального анализа явлений протеста демонстрировала ограниченность его эмпирических описаний, поверхностность интерпретации протеста через приписывание митингующим логики коллективного рационального выбора на основе принадлежности к неким выделенным классам или группам. «Человек протестующий» оказался весьма сложно мотивированным в своих ценностных ориентациях и поведенческих установках.

Послесентябрьского митинга на проспекте Сахарова и выборов в Координационный совет (КС) в декабре 2012 г., когда протестное движение состоялось как полноценная система коммуникации, был опубликован (предсказуемо скептический) доклад Фонда развития гражданского общества «Новая протестная волна: мифы и реальность» [Новая протестная... 2012]. В нем участники акций рассматривались одновременно и как представители политического протеста (протестный актив, националисты, левые), и как неполитические активисты (либеральный, креативный класс, образованный средний класс, студенты, представители среднего бизнеса, офисные служащие, социально уязвимые слои населения). Однако без ответа остался вопрос о мотивации обычно аполитичных москвичей, которая заставила их присоединиться к протестам. Отчасти на этот вопрос ответила запущенная осенью 2011 г. «Электоральная панель» ВЦИОМа: предложенные подходы позволили увидеть многообразие целевых установок протестующих — кто-то было готов на силовые меры и видел в качестве цели полную смену власти, кого-то протест интересовал как продолжение гражданского активизма, кто-то симпатизировал протесту как системе сдержек и противовесов в ситуации полного вырождения системной оппозиции.

Иными словами, протест как специфическая коммуникация объединил самые разнообразные социальные группы. Но главное, протест как специфическая коммуникация оказался способен самостоятельно «производить» политический дискурс и повестку, предлагая новый язык и альтернативные механизмы солидарности. Какова же та альтернативная повестка, которую предлагают недовольные россияне, утверждая свою субъектность?

1. Протестное движение в России, как и *оссиру*-движения в других странах мира, стало общей реакцией на кризис репрезентативной демократии. В ответ на самоустранение власти от коммуникации с гражданами последние вышли на улицу, чтобы быть услышанными. Усталость от неработающих российских институтов политического представительства привела даже к попыткам создать альтернативные работающие механизмы политической репрезентации, начиная с выстроенного в логике идейного представительства Координационного совета оппозиции и заканчивая участием в местных органах власти активистов протеста М. Каца, В. Кичановой, Е. Ройзмана. Инициаторами и лидерами *оссиру*-движений являлись гражданские активисты, позиционирующие себя в качестве альтернативы политическим партиям — как провластным, так и оппозиционным, что позволяло довольно долгое время уклоняться от демонстрации собственных идеологических и политических позиций, расширяя тем самым базу поддержки за счет гражданских активистов.

2. Протестные акции последних нескольких лет в различных странах начинались примерно под одними и теми же лозунгами, смысл которых сводился к напоминанию, «кто здесь власть». В Нью-Йорке в октябре 2011 г. протестующие захватили парк Цуккоти, в Египте центром сосредоточения стала площадь Тахрир, в Турции недовольные перспективой вырубке парка Гези собирались на площади Таксим, в российском протесте, несмотря на «миграцию» протеста, Болотная площадь стала одним из символов противостояния государству. «Оккупируя» пространство своего

города, протестующие в прямом соответствии с известным лозунгом выходили на улицу, чтобы вернуть себе страну.

Присвоение протестующими публичных пространств является для них, по мнению некоторых исследователей, принципиальным вопросом. Наследуя марксистской логике А. Лефевра, Дэвид Харви писал о прямой связи между представлениями о собственной свободе и праве на собственный город, отмечая, что свобода создавать и перестраивать города — это одно из наиболее драгоценных, но одновременно самых забытых прав человека. Именно поэтому, как писал Д. Харви, революция должна быть урбанизированной в широком смысле слова или не происходить вообще [Harvey 2008], ведь каждая революция непременно имеет среди своих символов городской объект (вспомним Бастилию, Зимний дворец и киевский Майдан). В самой природе протеста — не только «опровержение» принципов общественного устройства, но и перекройка социальных пространств и границ [Touraine 1998].

Борьба за городские пространства превращает их в «гигантский экран, на который проецируются частные проблемы» [Бауман 2002: 95], захваченные пространства становятся платформой, сценой, с которой недовольные транслируют свои требования. Вслед за З. Бауманом в захвате городских территорий можно увидеть еще и попытку схватить и удержать дистанцирующуюся от граждан власть, которая «уплывает с улиц и рыночных площадей, из залов собраний и парламентов, из кабинетов местных и национальных правительств и, не контролируемая гражданами, оказывается в экстерриториальном пространстве электронных сетей». Многочисленные митинги стали попыткой стереть границу между частным и публичным, продемонстрировать, что первостепенное право на публичные пространства принадлежит гражданам. Не случайно такое повышенное внимание лидеры российского протеста оказывали развитию городского пространства — вспомним фонд «Городские проекты» И. Варламова и М. Каца (нельзя не отметить, что рост протестной активности в России совпал с волной интереса к урбанистическим исследованиям и тематике развития городских территорий).

Но интерес к протестному «присвоению» города часто оказывается кратковременным — вслед за спорадическими демонстрациями власти над пространством движения (например, *We are here* — Мы здесь) так же быстро растворяются или распадаются на более мелкие, выражающие частные интересы [Tarrow 2011]. И в этом смысле московские митинги подтвердили свою важность в первую очередь в качестве символической «точки сборки» протеста в конкретном месте. Многие активисты, до этого общавшиеся в социальных сетях или в локальных группах, получили возможность увидеть масштаб поддержки протестных настроений.

3. Протестные движения вернули гражданам осмысленную гражданскую солидарность и, как об этом писал М. Кастельс, заполнили разрыв, оставленный кризисом имитационной солидарности «пустых оболочек» системных партий и профсоюзов [Кастельс 2004: 167]. Отсутствие взаимодействия жизненного мира протестующего с политической и экономической подсистемами привело к формированию активистами собственных сетей коммуникации, например через механизмы горизонтальной самоорганизации, как реакции на «уход» государства из социально значимых сфер и отказ от коммуникационного взаимодействия. Складывание движений солидарности началось задолго до протестной волны — прежде всего, в волонтерском движении, сборе активистов для тушения лесных пожаров летом 2010 г., в движении автомобилистов и «синих ведерок», протестных акциях экологов и даже в бессодержательных на первый взгляд «монстрациях».

Протестующие выступают не только за политическое представительство — их не устраивает и атомизированное анонимное общество потребления, которому новые гражданские активисты противопоставляют логику взаимной поддержки и помощи, например в форме подписания коллективных петиций и писем¹.

¹ Письмо в поддержку участниц группы Pussy Riot собрало подписи 50 199 чел., в поддержку Светланы Бахминой выступили 96 028 чел., 15 299 подписей собрала петиция в поддержку профессора МГИМО Андрея Зубова, 81 545 подписей было собрано в поддержку телеканала «Дождь», 15 802 гражданина присоединилось к петиции с требованием прекратить преследование Левада-Центра по закону об «иностранных агентах».

Еще один вариант формирования альтернативных сетей коммуникации и солидарности — создание прозрачных механизмов финансирования проектов, направленных на развитие гражданского общества. С ростом протестной активности к благотворительным инициативам в традиционных сферах общественной помощи (сбор средств для больных, инвалидов, пострадавших от пожаров или наводнений) добавилась инициатива сбора средств на проекты, важные для развития гражданского общества. Методику краудфандинга для финансирования политических инициатив (а именно, для проведения митингов) освоила и оппозиция. Еще на заре протестов, но уже после громких разоблачений А. Навального о коррупции, было объявлено о переходе к народному финансированию проекта «Роспил». В апреле 2013 г. члены Координационного совета оппозиции объявили о начале практики сбора пожертвований в Яндекс-кошелек — для сбора средств на проведение митинга. А весной 2014 г. телеканал «Дождь» объявил о начале сбора средств на вещание.

4. Важным средством коммуникации гражданских активистов являются социальные сети. Социальные сети и Интернет не стали движущей силой недовольства, но создали структуру горизонтальных связей, на которую впоследствии уже проецировалось системное недовольство властью. Причастность к условной «партии Интернета» — косвенный показатель активизма, т.к. доступность виртуальной коммуникации прямо не связана с протестной мобилизацией и готовностью к активным действиям. Несмотря на постоянный рост интернет-аудитории (73% граждан и 77% москвичей пользуются Интернетом¹), в России по-прежнему преобладают консервативные настроения. Единицы используют Интернет для достижения практических, тем более социально значимых целей. По данным Института социологии, только 5% опрошенных заявили, что их привлекает в социальных сетях возможность участия в общественных акциях, 2% — участие в политических инициативах. Подавляющее же большинство интересует в первую очередь возможность общаться и обмениваться мнениями (72%), получать доступ к оперативной информации и новостям (54%) и просто развлекаться (45%). Выстраивание коммуникаций по интересам, поиск единомышленников или собеседников, до которых можно было бы донести свое мнение, представляет интерес для сравнительно небольшого числа наших сограждан (9–12%).

Как пишут авторы доклада «Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России», интернет-активизм в России сегодня строится по принципу 90–9–1, когда не более 1% граждан будут создавать новый контент, 9% будут на него активно реагировать (распространять или комментировать новую информацию), тогда как 90% в лучшем случае ознакомятся [Российский неполитический активизм 2012: 25]. Интернет-активизм, как и *offline*- инициативность, выстраивается вокруг фигур единичных пассионариев и энтузиастов. Соответственно, в ситуации, когда активистское «ядро» составляет в структуре населения не более 5%, нельзя ожидать от Интернета невероятного всплеска интереса к низовой самоорганизации. Напротив, многие интернет-инициативы способствуют распылению активизма, ведь часто номинальная вовлеченность в интернет-активность есть лишь имитация гражданской инициативности (Арабская весна даже породила мем *like is not action* — поставить лайк — не значить действовать).

Скорее речь идет о формировании посредством интернет-коммуникации так называемых «слабых социальных сетей», слабых в том смысле, что они редко способствуют построению долговременных личных отношений [Кастельс 2004: 156]. Но «слабые связи» дают и возможность ситуативно вовлекаться в актуальные проекты, не требуя при этом регулярного участия и взаимодействия граждан. Феномен слабых связей между дифференцированным, неоднородным населением делает реальным структурное сопряжение разнообразных групп через хотя и несистемные и редкие, но значимые коммуникативные акты. Слабые связи порождают «локальные мосты» коммуникации от одной малой группы к другой, благодаря которым

¹ Данные о численности интернет-пользователей в России. Доступ: [http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=522&date=2014%2004&arrFilter_pf\[YEAR\]=2014&set_filter=Y](http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=522&date=2014%2004&arrFilter_pf[YEAR]=2014&set_filter=Y)

возможно взаимодействие представителей различных социальных кластеров по действительно важной проблематике [Granovetter 1983].

5. Серьезную роль в складывании сетей гражданского активизма сыграли и традиционные СМИ, информационные ресурсы, претендующие на отражение объективной информации, такие как радио «Эхо Москвы» и «Радио Свобода», телеканал «Дождь», ресурсы *Slon.ru*, *Kasparov.ru*, *EJ.ru* и др., превращающиеся в зоны альтернативной коммуникации оппозиции.

Альтернативные зоны медиа превратились в то, что Э. Чедвиг назвал гибридными медиасистемами — системами коммуникации, способными через информационное освещение влиять на политическую конъюнктуру [Chadwic 2011: 5]. С ростом протестной активности гражданские активисты стали формировать альтернативные зоны коммуникации и дискуссий, стало выкристаллизовываться представление о честных и, напротив, ангажированных провластных источниках информации и дискуссионных площадках. В ситуации цензуры, когда официальные информационные каналы оказывались закрытыми для многих оппозиционеров, недовольные стали формировать собственные зоны коммуникации, где самостоятельно определяли новостной контекст.

6. Серьезную роль в развитии альтернативной коммуникации сыграли неполитические фигуры: журналисты, писатели, музыканты, медийные фигуры (Ю. Шевчук, Б. Акунин, Д. Быков, Т. Лазарева, М. Шац, Л. Ахеджакова), конвертировавшие свою популярность в доверие аудитории. Объединив вокруг себя разнообразную публику, медийные фигуры сумели стать точками сборки коммуникации, в т.ч. по протестным поводам. Так, «Гражданин поэт», выстроенный как интеллектуальный проект медийных фигур (Д. Быкова и М. Ефремова), стал площадкой сатиры и пародии политической конъюнктуры.

Из намерения сформировать альтернативную коммуникативную площадку родилась попытка гражданских активистов зафиксировать собственные точки и центры коммуникации и достоверной информации. Например, в ноябре—декабре 2013 г. редакцией *COLTA.RU* было проведено голосование: «Самый влиятельный интеллектуал России: кто он?»¹. И хотя было бы большой экстравагантностью называть победителей голосования (Алексея Навального, Егора Просвирина) ведущими интеллектуалами (Виктор Пелевин и Дмитрий Быков также оказались на ключевых местах, но заметно уступили фаворитам), все же был определен список персон, которых можно было бы условно назвать носителями достоверного мнения. Собственно, то, что лидерами стали последовательные критики власти (за исключением разве что Пелевина), еще раз продемонстрировало, что интеллектуалы как воплощение гражданского общества находятся в оппозиции к власти.

Российский протест — актуальный портрет

Иными словами, протест, в т.ч. и российский, стал площадкой альтернативной коммуникации для носителей наиболее модернизированного сознания. Последних Д. Орешкин предложил называть классом налогоплательщиков², т.е. своеобразными носителями веберовской этики капитализма, предполагающей честную конкуренцию и личную ответственность. Протестующие носители сознания Модерна выступили в точках модерна «России-1»³ против закоренелости политической системы и подчиненного габитусу *homo soveticus* [Левада 2004а, Левада 2004б].

Не случайно протест вызрел и проявил себя, докатившись до Москвы и крупных городов, тогда как ни «рельсовая война» 1998 г., ни стачка в Пикалеве, ни протест против «монетизации» льгот, когда люди буквально бились за свое выживание, не смогли объединить недовольных в серьезную политическую коммуникацию. Не вызвали перетекания социально-экономического протеста в массовое политиче-

¹ Самый влиятельный интеллектуал России: кто он? — *Colta.ru*. Доступ: <http://www.colta.ru/articles/specials/1274>

² Эксперты: Протестная активность в России ослабла. 2012. — *Deutsche Welle*. 28.11. Доступ: <http://dw.de/p/16r1e> (проверено 20.09.2014).

³ Четыре России» на одной территории: беседа с Натальей Зубаревич. — *Новая газета*. 2013. № 129, 18 нояб. Доступ: <http://www.novayagazeta.ru/society/60998.html> (проверено 20.09.2014).

ское недовольство в регионах ни события в Калининграде в 2009–2010 гг., когда следом за протестом против повышения транспортного налога последовало требование отставки губернатора Г. Бооса, ни голодовка Олега Шеина, не согласного с результатами выборов мэра Астрахани. И лишь в 2013–2014 гг. в крупных городах, менталитет населения которых отличается высоким уровнем модерности, политические очки стали набирать несистемные политики.

Модерность проявила себя не столько как вестернизированность, но и как протест против общей забюрократизированной логики системы, и оппозиционные настроения привлекли самые разнообразные организации и участников. Противоречия между ними сглаживались, пока критика власти носила мирный и последовательный характер, пока участники протеста существовали в логике негативной идентичности.

Однако украинские события постепенно привели к тому, что российский протест как коммуникация стал распадаться. И это отразил опрос, проведенный Институтом социологии РАН зимой 2014 г¹. В марте, когда политический кризис на Украине уже вступил в свою острую стадию, многих россиян серьезно озаботил вопрос последствий политического протеста, в т.ч. и перетекания мирного несогласия в открытый вооруженный конфликт и всеобщую радикализацию. Той же зимой 2014 г. были оглашены жесткие приговоры обвиненным по «делу 6 мая». Многие активисты политических движений поняли, что за реальные преобразования, возможно, придется дорого заплатить – своей свободой и даже жизнью.

Меры жесткого внутреннего прессинга гражданского общества (ограничение свободного доступа к ряду оппозиционных СМИ, попытка ограничить свободу слова блоггеров, приравняв блоги к СМИ) оттеснили от гражданского активизма многих «случайных», недостаточно мотивированных «попутчиков» протеста, взявших тайм-аут на размышление о том, готовы ли они отказаться от прогулок по бульварам и карнавальным шествиям в приятной компании по выходным и перейти к изнуряющей жесткой, возможно, кровавой борьбе за власть. Кроме того, оппозиционное движение расколол «вопрос Крыма», присоединение которого многими, даже последовательными критиками власти было расценено положительно (Э. Лимонов, С. Удальцов, И. Хакамада).

В итоге последовательные и принципиальные критики власти остались в полном меньшинстве – выкристаллизовалось либеральное ядро в 4–5% граждан, ни при каких обстоятельствах не готовых соглашаться с действиями власти. Число же тех, кто готов был встать на сторону оппозиции, оказалось вдвое меньше доли сторонников оппозиции, сократившись за год с 21 до 10%.

Если в 2012 г. почти половина граждан (46%) с одобрением относилась к участникам протестных акций (хотя и не принимала в них участие), в марте 2014 г. симпатизирующих оппозиционерам было менее трети (32%). Заметно сократилась и доля тех, кто лично участвует в протестном движении: если в 2012 г. 7% лично участвовали в акциях протеста, к 2014 г. этот показатель сократился до 4%. За 2 последних года заметно возросло (с 33 до 49%) число тех, кто с безразличием относится к участникам протестных митингов. Причем бросается в глаза то, что рост числа не определившихся (с 33 до 49%) фактически прямо пропорционален уменьшению симпатий граждан к сторонникам оппозиции (с 46% до 32%). И такая синхрония еще раз живописно подтверждает сложность положения, в котором оказалась оппозиция: с одной стороны, многих граждан пугает ее иногда слишком непримиримая позиция, с другой – многие демонстрируют желание «затаиться» до лучших времен в выражении своих симпатий тем, кого власть открыто называет «пятой колонной».

Возможно, это лишь временный спад декларируемой митинговой активности, но, скорее всего, многие граждане осознали, что мирными манифестациями трудно добиться отклика власти, а силовые выступления способны повлечь лишь «закручивание гаек». Происходит массовый переход к тому, что Юрий Левада характеризовал как «безысходное терпение» [Левада 1999]. «Безысходное терпение» мно-

¹ В марте 2014 г. Институтом социологии РАН в сотрудничестве с некоммерческим фондом ИСЭПИ по репрезентативной выборке в 1600 человек было проведен общероссийский социологический опрос «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия».

гих граждан, связанное как с серьезными «постукраинскими» размышлениями о допустимости насилия, так и с санкциями в отношении российской оппозиции, не означает снижения уровня недовольства закрытостью власти. Напротив, возвращаясь к заявленной в начале нормативной рамке определения протеста как отклика на коммуникативную замкнутость политической системы, необходимо подчеркнуть принципиальную важность легальных работающих механизмов коммуникации, взаимодействия граждан с властью.

Ведь гражданский протест возникает там и тогда, где и когда значительное число граждан убеждается, что существующие легальные каналы влияния на власть не могут быть задействованы, или в ситуации, когда граждане не получают должной реакции на свои требования. Возвращаясь к заявленной нормативной рамке определения протеста как отклика на коммуникативную замкнутость политической системы, необходимо подчеркнуть принципиальную важность легальных работающих механизмов коммуникации, взаимодействия граждан с властью. Гражданскому обществу необходимы легальные формы взаимодействия с властью, в т.ч. механизмы выражения своего недовольства. Ведь если протест носит ненасильственный характер, то он расширяет границы и формы политического участия, выступает как механизм сдержек и противовесов по отношению к действиям власти и, главное, вовлекает активных равнодушных граждан в решение важных для них проблем.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант 14-03-00707а «Гражданский активизм и самоорганизующиеся практики: новые реалии».

Список литературы

Антоновский А.Ю. 2012. От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в России. — *Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены*. № 3. С. 4-13.

Бауман З. 2002. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос. 390 с.

Брукс Д. 2013. *Бобо в раю: Откуда берется новая элита*. М.: Ад Маргинем Пресс. 296 с.

Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе. 2012. — *Материалы заседания научного совета ВЦИОМ*. Доступ: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovets/2012_05_protesty_stenogramma.pdf (проверено 20.09.2014).

Кастельс М. 2004. *Галактика Интернет*. Екатеринбург: У-Фактория. 328 с.

Левада Ю.А. 1999. Человек недовольный: протест и терпение. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6(44). С. 7-13. Доступ: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/18979308/> (проверено 20.09.2014).

Левада Ю.А. 2004а. «Человек советский»: четвертая волна. Функции и динамика общественных настроений. — *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4(72). С. 8-18.

Левада Ю.А. 2004б. «Человек советский». — *Публичные лекции на Полит.ру*. Доступ: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada> (проверено 20.09.2014)

Мертон Р.К. 2006. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ: Хранитель. 873 с.

Новая протестная волна: мифы и реальность. 2012. Доступ: http://civilfund.ru/mat/view/37#_ftn2 (проверено 20.09.2014).

Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России. 2012. Центр ГРАНИ. Пермь: ИЦ «Астер». 65 с.

Турен А. 1998. *Возвращение человека действующего: Очерк социологии*. М.: Научный мир. 204 с.

Barber E.G. 1955. *The Bourgeoisie in 18th Gentry France*. — Princeton: Princeton University Press, 1955. Цит. по Мертон Р.К. 2006. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ: Хранитель. 873 с.

Chadwic A. 2011. The Political Information Cycle in a Hybrid News System: The British Prime Minister and the «Bullygate» Affair. — *International Journal of Press/Politics*. No 16(1). P. 3-29.

Granovetter M. 1983. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. — *Sociological Theory*. No 1. P. 201-233.

Harvey D. 2008. The Right to the City. — *New Left Review*. No 53. URL: <http://newleftreview.org/II/53/david-harvey-the-right-to-the-city> (accessed 20.09.2014).

Tarrow S. 2011. Why Occupy Wall Street Is not the Tea Party of the Left. — *Foreign Affairs*. 10.08. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136401/sidney-tarrow/why-occupy-wall-street-is-not-the-tea-party-of-the-left> (accessed 20.09.2014).

Touraine A. 1998. Social Transformations of the Twentieth Century. — *International Social Science journal*. No 156 (June). P. 165-171.

BARASH Raisa, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Researcher of the Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Krzhozhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russia, 117218; raisabarash@gmail.com)

THE PROTEST MOVEMENT: IN SEARCH OF A NEW POLITICAL SUBJECT

Abstract. The material is devoted to the study of the phenomenon of the political protest as a contemporary form of the civic activism. The author underlines that it is impossible to understand the essence of the political protest using just the social and the demographic characteristics of the activists. By his turn the author offers to use the communicative logic of interpretation of the protest activism. The communicative logic of the new forms of the civic activism seems to be optimal, because the core of the protest cluster is united by the new forms of the communication that is alternative to those that are replicated by the state system. The author analyses the actual sociological empirical data on the protest activity in Russia.

Keywords: civic activism, political protest, democracy, communication

References

Antonovskij A. From Integration to Information. Towards the Communication Transformation in Russia. — *Monitoring obshhestvennogo mnenija. Jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2012. No 3. P. 4-13.

Barber E.G. *The Bourgeoisie in 18th Gentry France*. — Princeton: Princeton University Press. 1955.

Bauman Z. *The Individualized Society*. Polity Press. 2001. 272 p. (Russ. ed. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshhestvo*. M.: Logos Publ. 2002. 390 p.).

Brooks D. *Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There*. N.Y.: Simon & Schuster. 2000. 288 p. [Russ. ed. Bruks D. *Bobo v raj: Otkuda beretsja novaja jelita*. M.: Ad Marginem Press. 2013. 296 p.).

Castells M. *The Internet Galaxy, Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford, Oxford University Press. 2001. 304 p. (Russ. ed. Kastel's M. *Galaktika Interneta*. Ekaterinburg: U-Faktorija Publ. 2004. 328 p.)

Chadwic A. The Political Information Cycle in a Hybrid News System: The British Prime Minister and the «Bullygate» Affair. — *International Journal of Press/Politics*. 2011. No 16(1). P. 3-29.

Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited. — *Sociological Theory*. 1983. No 1. P. 201-233.

Harvey D. The Right to the City. — *New Left Review*. 2008. No 53. URL: <http://newleftreview.org/II/53/david-harvey-the-right-to-the-city> (accessed 20.09.2014).

Istinnye prichiny i mehanizmy zimne-vesennego protestnogo dvizheniya i perspektivy ego prodolzheniya na novom etape [The Real Causes and Mechanisms of the Winter and Spring Protest Movement and the Prospects of Its Development on a New Stage]. — *Materialy zasedaniya Nauchnogo soveta VTsIOM* [Shorthand record of the session of the Scientific Council of All-Russia Centre for Public Opinion Studies]. 2012. URL: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovets/2012_05_protesty_stenogramma.pdf (accessed 20.09.2014).

Levada Ju.A. The Discontented Man: Protest and Patience. — *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 1999. No 6(44). P. 7-13. (In Russ.) URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/18979308/> (accessed 20.09.2014).

Levada Ju.A. «The Soviet Man»: the Fourth Wave. Function and Dynamics of the Public Opinion. — *Vestnik obshhestvennogo mnenija: Dannye. Analiz. Diskussii*. 2004a. No 4(72). P. 8-18. (In Russ.)

Levada Yu. The Soviet Man. — *Public lectures «Polit.ru»*. 2004b. (In Russ.) URL: <http://polit.ru/article/2004/04/15/levada> (accessed 20.09.2014).

Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, Il.: Free Press, 1957 (Russ. ed. Merton R.K. *Social'naja teorija i social'naja struktura*. M.: AST Publ.: Hranitel' Publ. 2006. 873 p.).

Novaja protestnaja volna: mify i real'nost' [*The New Protest Wave: the Mythology and Reality*]. 2012. URL: http://civilfund.ru/mat/view/37#_ftn2

Rossiyskiy nepoliticheskiy aktivizm. Otchet o rezultatah issledovaniya [*The Russian Non-political Activism. Report based on the results of the study*]. 2014. GRANI Centre. Perm: PC «Aster». 65 p.

Tarrow S. Why Occupy Wall Street Is not the Tea Party of the Left. – *Foreign Affairs*. 10.08.2011. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136401/sidney-tarrow/why-occupy-wall-street-is-not-the-tea-party-of-the-left> (accessed 20.09.2014).

Touraine A. Social Transformations of the Twentieth Century. – *International Social Science Journal*. 1998. No 156 (June). P. 165-171.

Touraine A. *Le retour de l'acteur. Essai de sociologie*. Paris: Éditions Fayard. 1984. 348 p. (Russ. ed. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka dejstvujushhego: Ocherk sociologii*. M.: Nauchnyj mir Publ. 1998. 204 c.).

УДК 323.2

ФРОЛОВ Александр Альбертович – ассистент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (150000, г. Ярославль, ул. Советская, 10; a.a.froloff@gmail.com)

МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается гражданская активность и механизмы ее осуществления. На данный момент в современной России меняется качество участия граждан. В поле образования определенной проблемы возникают новые инициативы граждан, объединяют вокруг нее сторонников, граждан с активной жизненной позицией, и, что самое главное, они сразу же предлагают конкретные решения возникшей проблемы. Сейчас существует много примеров успешного влияния гражданских инициатив на конкретные решения и действия. Активизация деятельности НКО, рост гражданских движений, развитие интернет-технологий и работа государства в отношении третьего сектора дают свои результаты. Как следствие, усиливается значимость гражданского общества. Новые механизмы участия расширяют границы действия инициативных граждан, где объединение и взаимодействие происходит через Интернет.

Ключевые слова: гражданская активность, гражданское общество, Интернет, НКО, гражданские движения

Понятие гражданской активности рассматривается учеными из разных областей науки: политологии, психологии, социологии, юриспруденции, но как такового общего определения гражданской активности нет. Однако во всех определениях присутствует общее направление, которое представляет ее как гражданскую позицию и гражданственность. Гражданская активность – это форма активности общества, которая направлена на реализацию социальных интересов, присуща индивиду, а также различным общественным объединениям граждан. Она зависит от политических, духовных, культурных ценностей общества в целом и человека в частности [Волкова, Гусева 2013]. Гражданская активность – это и одна из форм общественной активности, выражающаяся в равнодушии к проблемам общества, способности и желанию проявлять собственную гражданскую позицию, отстаивать личные и групповые интересы и права, это осознание личной ответственности за благополучие государства [Гусарова, Торопова 2012: 135].

В Российской Федерации на данный момент развиваются новые механизмы осуществления гражданской активности, меняется качество участия граждан. Граждане более осмысленно вступают в разнообразные процессы, самореализуются в них, объединяются с единомышленниками и пытаются улучшить общество, в котором они живут.

Сегодня, проводя и анализируя различные исследования социальной сферы российского общества, можно видеть, что люди реже обращаются к традиционным